

Котов А. Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862—1864 годы) / А. Э. Котов // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 258—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-258-272.

Kotov, A. E. (2019). Polish Problem in “Bulletin of South-Western and Western Russia” Journal (1862—1864). *Nauchnyi dialog*, 8: 258-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-258-272. (In Russ.).

УДК 94(47).083+070.19:[323.1+323.3]

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-258-272

Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862—1864 годы)¹

© Котов Александр Эдуардович (2019), orcid.org/0000-0001-5226-9552, ResearcherID E-6880-2016, SPIN 7051-7470, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), a.kotov@spbu.ru.

В статье рассматривается отражение польского вопроса на страницах журнала «Вестник Юго-Западной и Западной России», пользовавшегося репутацией одиозного и радикального пропагандистского издания. Основное внимание уделяется истории журнала за 1862—1864 годы — первые годы его выхода до переезда редакции из Киева в Вильну, совпавшие с обострением польского вопроса накануне и во время январского восстания 1863 года. Автор останавливается на полемических статьях, принадлежавших перу редактора журнала К. Говорского, публицистов А. Воронина, И. Кулжинского, С. П. Шипова и других, нередко анонимных, сотрудников издания. Актуальность исследования обусловлена в том числе и обращением к полемике «Вестника» с идеями Ф. Духинского о «московском туранстве», переживающими второе рождение в некоторых странах Восточной Европы. Показано, что, за редкими исключениями, полемические выпады журнала были направлены не против «польской народности» как таковой, но против «польской» сословной модели общественного устройства, которая на страницах «Вестника» провозглашалась архаизмом, подлежащим устранению. Доказано, что публицистика «Вестника Юго-Западной и Западной России» носила не столько националистический, сколько антисословный характер. Указывается, что, не являясь эталоном хорошего вкуса и концептуальной новизны, она была частью противостояния двух ветвей русской политической культуры: национального и сословного направлений.

1 Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

Ключевые слова: консерватизм; национализм; славянофильство; польский вопрос; Литва; Украина; Белоруссия; Говорский; Духинский.

1. Введение

Журнал К. А. Говорского «Вестник Юго-Западной и Западной России» стоит у истоков так называемого «западнорусского» направления, рассматривавшего малороссов и белорусов как западных представителей единого русского народа. Однако в историю русской общественной мысли этот журнал вошел как одиозно-реакционный. По словам А. Н. Пыпина, «это была смесь старинного “Маяка” <...>, позднейшей “Домашней беседы” с прибавкою новых “политических” идей» [Пыпин, 1892, С. 94]. Этот же тезис воспроизводит в наши дни М. Д. Долбилов, утверждающий, что «журнал Говорского и Эремича стал трибуной наиболее интолерантной полонофобии, наполнялся сомнительного качества публикациями и вызывал чувство неловкости, а то и стыда даже у некоторых горячих русских националистов» [Долбилов, 2010, с. 284]. Так или иначе, стереотипному образу «реакционного издания» противоречили и попытки Говорского защищать православие с помощью ссылок на Вольтера [Взгляд Вольтера ..., 1864, с. 77—95], и постоянная поддержка журналом «прогрессивного еврейства». Не всё было однозначно и с антипольской публицистикой «Вестника».

Журнал был основан в тревожном 1862 году. Обстановка на западных окраинах империи ухудшалась: в Царстве Польском, Северо-Западном и Юго-Западном краях проходили антирусские манифестации польского дворянства. Одновременно в столицах нарастало собственное революционное движение, связи которого с польским подпольем давали консервативной печати основания обвинять «блудливую руку польской интриги» и в петербургских пожарах, и в последующих покушениях на царя-освободителя.

Второй год Великих реформ стал одновременно и последним годом, когда имперские власти пытались найти компромисс с польским обществом. А. И. Велёпольский еще очищал администрацию Царства Польского от русских чиновников и польские гимназии от русских учителей, а великий князь Константин Николаевич обращался к местному населению «со словами порядка и рассудка» [Айрапетов, 2018, с. 96—119]. В Юго-Западном же крае, где в силу давних исторических причин в местном обществе сохранялись антипольские настроения, а в чиновничьей среде — память о деятельности генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, настроения администрации были иными.

Не случайно основанный в Киеве журнал носил полуофициальный характер. Сам редактор приписывал инициативу журнала князю С. Н. Урусо-

ву, бывшему тогда товарищем обер-прокурора Св. Синода [ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, ед. 4772, л. 1]. Издание было разрешено в марте 1862 года, его программу утвердил Св. Синод [РГИА, ф. 776, оп. 4, ед. 300, 14 об]. Финансовая поддержка последнего выразилась в приказе обер-прокурора об обязательной выписке 170 экземпляров журнала православным духовенством западных губерний. Указ этот, впрочем, исполнен не был — и осенью 1863 года Говорский просил Урусова о содействии в закупке Синодом и безвозмездном распространении нераспроданной тысячи экземпляров журнала [ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, ед. 4772, л. 2]. В 1862 году Говорский обращался с просьбой об организации обязательной подписки и к бывшему тогда товарищем попечителя Петербургского учебного округа И. П. Корнилову [ОР РНБ, ф. 377, ед. 597, лл. 1—2]. В 1863 году журнал спасла от наметившейся уже в первый год издания угрозы разорения администрация Киевского генерал-губернаторства, выписав 200 экземпляров журнала [РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 89, л. 2]. Только в январе 1864 года киевскому генерал-губернатору удалось добиться от МВД негласного пособия для журнала «на процентный сбор с помещичьих имений в юго-западных губерниях», то есть за счет обложенного своеобразной контрибуцией польского дворянства [Там же, л. 6 об]. Осенью 1864 года журнал по приглашению М. Н. Муравьева переезжает в Вильну, разумеется, сохраняя своё направление и содержание.

2. Социальные аспекты польского вопроса на страницах журнала

В редакционных статьях «Вестника» редактор провозглашал своей задачей «казнить эти [польские. — А. К.] клеветы, защитить историю юго-западной и западной России от этого невежественного либо злонамеренного искажения, ловить на лету всякий фальшивый звук врагов русской народности и православия и заглушать его полным аккордом громогласной истины» [Образчик ..., 1862а, с. 33].

А. Н. Пыпин характеризовал основную линию издания так: «Журнал исполнен был самыми истребительными намерениями относительно всего польского, и когда славянофилы, например, настаивая на обрусении западного края, все-таки допускали существование этнографической Польши, “Вестник” и ей желал и пророчил полную гибель» [Пыпин, 1892, с. 95]. Однако антипольская публицистика «Вестника» при всей своей монотонной бранчивости всё же не носила «реакционного», то есть сословно-консервативного, характера. Наиболее ярким примером пропаганды служит публикация на страницах «Вестника» знаменитого «Польского катехизиса» [Свящ. А. Хотеев, 2017, с. 23—27], но то была лишь верхушка огромно-

го айсберга, состоявшего из исторической и злободневной публицистики весьма разной степени достоверности и корректности.

Первый номер журнала начинался со статьи «открытого» редакцией публициста А. Воронина «О польском аристократическом элементе в Юго-Западной России», написанной по поводу опубликованной И. С. Аксаковым статьи Грабовского «Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и Западных губерниях». Полемизируя с антипольской статьей М. В. Юзефовича, опубликованной в газете «Le Nord» (франкоязычном издании, выходившем в Бельгии на русские деньги), Грабовский отказывался признавать территорию нынешней Украины единым целым: *Прошедшие судьбы дали такую могущественную организацию этим провинциям, что они до сих пор остаются тем же, чем были во времена Польши. Нет никакой возможности смешать их с центральными провинциями России. При самом поверхностном обозрении нельзя не заметить, например, значительной разницы между губернией Киевской и даже Черниговской — хотя и пограничной, но уже носящей вполне тип малороссийский* [Грабовский, 1862, с. 6—7]. Сторонники русификации западных окраин Российской империей, по мнению Грабовского, до такой степени увлеклись системой, вновь изобретенной, *национального унитаризма, что выводы из нее прикладывают к временам давно прошедшим, и с какою-то цинической страстностью прибегают для своей цели к современному демократизму и к учению о правах, преимущественно будто бы принадлежащих массам народным. Есть такие защитники России монархической, которые проповедуют то же самое, что социалисты и самые отчаянные нивелёры уравниатели* [Там же].

Отвечая Грабовскому, публицист «Вестника» А. Воронин противопоставлял малороссов и поляков как носителей двух различных типов национальной идентичности. *Южнорусская народность* была, по его мнению, *обречена историей на вековую тяжбу за свою личность* [Воронин, 1862а, с. 1]. Избавленная Литвой от татарского ига, она вошла в созданное Гедимином «могущественное литовско-русское государство». В рамках последнего литовский элемент *проникается началами русской народности и является в Малой Руси тем же, чем был для ней в свое время варяго-русский, то есть началом централизующим и связующим ее разрозненные силы. Таким образом, южная русь в другой раз оказалась несостоятельною к образованию самостоятельной государственной жизни из своих собственных внутренних элементов* [Воронин, 1862а, с. 9—10]. Средневековая борьба литовской и великорусской Руси была только видоизменением родовых счетов, господствовавших в отношении князей

прежней единой Руси, <...> антагонизмом двух могущественных родственных фамилий <...> за преобладание и господство во всей русской земле [Там же]. Иной характер приобрело противостояние после поворота Литвы к Польше [Там же]. В противоположность южнорусской народности, личность польской национальности сформировалась не только из общих всем славянам элементов, но и из элементов, внесенных в жизнь этого государства германизмом и римским католичеством [Там же, с. 4]. Вследствие этого после Люблинской унии в Польше началось чрезмерное, ненормальное усиление значения вельможной аристократии и шляхетства в ущерб прочим сословиям, что привело к ослаблению верховной власти, среднего и низшего сословий, к тому, что всё польское общество оказалось охваченным духом партийности [Там же, с. 12—13]. Воронин отмечал, что значительная часть малороссийской и белорусской шляхты — местного происхождения, истоки же ополячения искал в предпочтении сословного национальному: Несмотря на глубокую рознь между польскою и русскою шляхтою, обуславливающуюся противоположностью национальностей, они имели один общий интерес, одну общую точку соединения, — это привилегии шляхетства, выражавшиеся в безграничности личной для неё свободы, соединенной с неограниченным господством над низшим сельским населением — хлопами <...> Во имя этого-то интереса южно-русское дворянство изменило интересам своей страны, отказалось от религии своих отцов, от родного языка, от своей личности и, разорвавши последние нравственные и духовные связи с народом, лежавшие в общих основах народности, перешло в противоположный лагерь и сделалось злейшим врагом своего народа. Явление это было прямым логическим следствием усвоения себе южно-русским дворянством принципов польского шляхетства <...> Пораженное мертвящими принципами шляхетства, дворянство это поспешило принести в жертву своих личных выгод интересы народа и свою национальность и, оторвавшись таким образом от народной почвы, явилось на ней чужездным растением. С таким характером оно проходит дальнейшую историю Руси, принявши за свое знамя польскую национальность, как полное выражение шляхетских принципов [Там же, с. 30—31].

В статье Грабовского, принявшего на себя труд систематизировать социальные и политические убеждения и формулировать требования туземной аристократии, Воронин усматривал сословную логику, происходящую от ложных начал и призывал сбросить завесу, брошенную на историю края благонамеренностью туземной ополячившейся аристократии [Там же, с. 43—44]. В глазах этой аристократии борьба народа <...> за религию,

гражданские, политические и общечеловеческие права, попранные польской шляхтою и р[имско-] католическим духовенством <...> — не более как только восстание черни, мятеж против всякого социального порядка, собственности, образования, только из вежливости к современным понятиям называемый по французски жакериею; Хмельницкий тот же Емелька Пугачев, но имевший только удачу, — и потому выдавать эту жакерию за национальную войну <...> возможно понять еще как потеху местного самообольщения современной Малороссии, образовавшейся из взбунтовавшейся черни, однако нельзя этого серьезно утверждать, так как это не только может смущать туземную аристократию, но и во всяком случае “несправедливо, безнравственно и неполитично, — и правительству следовало бы понять опасность, ему угрожающую” [Там же]. То же, что Грабовский именовал вновь изобретенной системой национального унитаризма, Воронин характеризовал как непреодолимые инстинктивные тенденции народа к сосредоточению и сплочению, — этот величественный рост могучего народного организма, в котором лежит вся тайна будущности славянского мира — результат тысячелетней жизни Руси [Там же, с. 43]. Наконец, в заключение публицист призывал внимательно посмотреть пытливым взглядом современной науки и жизни на этот несвойственный славянскому духу институт, развившийся из славянской общины под влиянием германизма и папства, пора подвергнуть анатомическому исследованию науки это оригинально-уродливое, но тем не менее замечательное явление в жизни славянских племен [Там же, с. 48].

Эти свои тезисы Воронин развивал и в самом начале 1863 года в статье «Местные вопросы». Противопоставляя Россию и Польшу уже как носителей двух противоположных цивилизационных начал, публицист подчеркивал оборонительный характер этой борьбы со стороны России: *Наступление, порыв сообщен был ляхам духом той цивилизации, в основании которой лежали завоевание, свобода личности и враждебное отношение к власти. Оборона и защита от нападений, без всяких завоевательных устремлений, соответствовали духу русской народности, которой чуждо было завоевание и в которой основами быта были поземельная община и дружеское отношение к власти, добровольно призванной и принятой [Воронин, 1863, с. 73].*

Подчинение Польшей русских земель Воронин описывал со свойственной многим статьям «Вестника» натуралистической образностью: *Польский элемент, пользуясь раздроблением России, с неумолимою настойчивостью, шаг за шагом, проникает в области ее и как бы вливается, подобно жидкости, в каждую трещину русского тела [Там же, с. 28]. При*

этом воспроизводился прежний тезис, гласивший, что, *заимствовавши общественные начала западной цивилизации, Польша восприняла их как-то болезненно. Аристократическое начало развилось у ней до уродливой крайности и обратилось с одной стороны в католический фанатизм, а с другой — в олигархию и полнейшее рабство народа, уничтожившие общину и отнявшие у нее поземельную собственность* [Там же, с. 28—29]. Такое западничество вело к подавлению исконно славянских демократических начал [Там же, с. 36]. Последнее, впрочем, происходило и в России — однако к 1860-м годам Русь выросла из немецкого кафтана и началась эпоха преобразований [Там же, с. 41].

Тема русского демократизма затрагивалась во многих текстах «Вестника». Так, например, еще в одном материале крепостничество рассматривалось как следствие польского влияния (после присоединения Смоленска при Алексее Михайловиче). В XVIII веке в *Великой России*, — *особенно в тех областях, которые по старине управлялись сельскими старостами <...> крестьяне жили привольно и благоденствовали; только в имениях, которые были управляемы каким-нибудь немцем или поляком, крестьяне были обременены тягостною барщиною; в западных же областях помещики, <...> почти в продолжении четырех сот лет употребляли все средства и усилия, чтобы довести крестьян до скотского состояния*; далее утверждалось, что в Великороссии помещики часто освобождали всех своих крестьян от барщины, в западных областях — никогда [Старческие воспоминания ..., 1864, с. 57—58].

Первый номер журнала содержал также ответ на статью Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность», положившую начало целой полемике о положении галицких русинов. Автор «Вестника» обличал *двусмысленность польского либерализма в Галиции*, усматривая в нём *тот же деспотизм, только в другой форме* [Заметка на статью ..., 1862, с. 9]. Утверждая, что *польская народность слилась с католицизмом*, публицист напоминал, что сейчас — XIX век [Там же, с. 11]. Как следствие, *эти затеи небольшого количества пришлой, или среди нас когда-то сформировавшейся шляхты, переделать на свой лад, десять миллионов малорусского, чернорусского и белорусского народонаселения и жалки, и немножко опасны. Казалось бы, благоразумие требовало раз навсегда отказаться от подобных утопий, но латино-польская партия сложена иначе. Дух римской пропаганды так проник ее, что она уже не может без него обойтись, к тому же, увлекшись когда-то в лице своих отцов и дедов, на сторону полонизма и оставшись без народа, отделившись и от средней массы западно-русского народонаселения, она подобно чужезданному растению*

хотела бы всю эту массу теперь чуждого ей народонаселения привить к себе и отнять у него сродное ему самосознание [Там же, с. 21—22].

Знаменитой теории Ф. Духинского о туранском происхождении великороссов публицисты «Вестника» уделяли самое пристальное внимание, подчеркивая, что *название великорусского народа татарским есть одна из самых популярных выхонок злости и невежества современных нам поляков* [Образчик ..., 1862б, с. 79]. Помимо множественных упоминаний в различных статьях, концепции Духинского был посвящен отдельный текст под названием «Колоссальная нелепость». В нём сообщалась о появившейся в Париже *новой исторической школе*, девизом которой *служит счастье народов и умиротворение племенной вражды* и которая, по замыслу своего основателя, должна быть *введена в основу преподавания всеобщей истории в срединных французских школах* [Колоссальная нелепость, 1864, с. 77]. Иронически отзываясь о разработанной удивительным профессором системе разделения народов *с точки зрения физиологически-психологической и физиологически-нравственной* на арийцев и туранцев, автор критического разбора резюмировал основной её тезис следующим образом: *Что москали — тураны, это не только вывод науки, но положительная необходимость, для того, чтобы человечество обладало счастьем на земле. Москали — тураны с точки зрения физиологически-психологической и физиологически-нравственной, при которой, конечно, не обращается внимания ни на очертание лица, ни на религию, ни на язык. Москали связаны полным единством с неграми и китайцами. У них и у китайцев проявляются в идеях, законодательстве, способах государственного управления те же самые наклонности, которые обнаруживаются в быту негров и американских аборигенов. Федеративные элементы ариев, то есть народов латинско-германско-славянских, останавливаются у русла Днепра; за этою рекой, как теперь, так и во времена Геродота, обитают народы, которые не имеют в себе никаких федеративных элементов* [Там же, с. 81].

Не без сарказма отмечались претензии Духинского придать своему учению гуманистический характер: *Новое деление вполне соответствует высоким нравственным целям; оно содействует умиротворению племенной вражды и освобождает москалей из-под ига указов, навязывающих им верование в совершенно противное истине происхождение их племени, и тем препятствующих москалям возвратиться к их народным преданиям и обычаям* [Там же, с. 82].

Наконец, крест на методологии Духинского ставился посредством ее приложения исторической ситуации в безусловно европейской стране:

Большая часть признаков, которыми пан Духинский характеризует так называемую им туранскую ветвь, лучше всего прилагается к Франции: всепоглощающая власть, правительство, отвечающее за все и подавляющее личную энергию и самостоятельность в обществе; <...> идея равенства, уничтожающая всякую возможность свободы, отсутствие всякой областной самостоятельности, а наконец то, что составляет действительное достоинство Франции, — крепкое государственное единство, исключающее всё, что хотя сколько-нибудь похоже на федерацию ... К довершению туранской характеристики Франции служит еще то обстоятельство, что именно на французской почве развелись туранские учения, отрицающие начало собственности и провозглашающие его воровством. “La propriete c’est le vol”, — это было сказано именно во Франции [Там же, с. 84].

В противовес теории московского туранства «Вестник» не мог не воспользоваться концепцией польского «сарматизма»: Все прежние летописцы и историки польские единогласно утверждают, что родоначальниками поляков были сарматы, народ азиатский, проникнувший морем и сушей из Закавказья в мирные селища славян, раскинутые в прекрасных околицах Вислы, Буга и Днестра, без особых усилий и пожертвований покорившие под власть свою кротких земледельцев, сделавшие их своими рабами и, естественно, принявшие со временем язык огромного большинства <...> И донкихотское *zuchwalstwo*, и чувственность, и тщеславие, и преобладание воображения над другими способностями духа, и презрительное отношение азиатского сатрапа к рабу — все в очевидной гармонии с сарматскою генеалогией поляков [Образчик ..., 1862б, с. 94].

3. Перспективы русско-польского примирения

Таким образом, «польская» сословная модель общественного устройства провозглашалась на страницах «Вестника» архаизмом, подлежащим устранению. При этом Воронин отмечал, что историческая обреченность шляхты вовсе не означает конца польской народности: *Польская народность <...> имеет еще много жизненных сил и мы искренно желаем ей возрождения, которого она может достигнуть только разорвавши всякую солидарность с шляхетскими преданиями и обратившись к тому богатому роднику народных сил, из которых она черпала свое могущество в первую половину своего существования до эпохи окончательного торжества в Польше католическо-аристократических принципов; заявляем наше глубокое сочувствие ко всем правительственным мерам, предпринятым в последнее время в цели возрождения Польши, и гуманным действи-*

ям власти, не связывающей никакою солидарностью болезненные явления растленного общества со всем, что есть здорового и жизненного в польской народности [Воронин, 1863, с. 55].

В подтверждение этого тезиса редакция публиковала статью польского мыслителя Бронислава Трентовского, рассматривавшего польскую историю последних столетий как движение, обратное европейскому прогрессу: возвышение папства, аристократизм, развитие латинской поэзии в ущерб народной речи: *Как Европа шла вперед, так Польша назад; поэтому чем позднее, тем больше у нас сходства с средними веками* [Взгляд на состояние ..., 1863, с. 77].

В другом номере редакция заявляла: *Мы умеем различать Польшу от взбунтовавшихся поляков; мы знаем, что большинство польского народа, несмотря на ужасы самого варварского террора, остается верным <...> присяге, и предано России* [Слово русского ..., 1863, с. 68]. Правда, пример такого благонамеренного поляка на русской службе приводился не вполне убедительный — Ф. В. Булгарин [Кулжинский, 1863, с. 35].

Исключением из общей редакционной линии в польском вопросе были статьи С. П. Шипова — бывшего члена «Союза спасения» и «Союза благоденствия», — награжденного в николаевское время медалью «За взятие Варшавы в 1831 г.» и в 1837—1840 годах возглавлявшего правительственную комиссию внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского. В самый разгар Январского восстания отставной сановник настаивал на том, что в существовании отдельной польской нации нет необходимости: *Такая польская национальность едва ли могла бы быть полезна для самых жителей Царства Польского, ибо каждый из них, выступая за пределы тесной Конгрессовки, встречает надобность в ином, а не в польском языке; знание же русского языка облегчает непрерывные их с русскими людьми сношения. Как следствие, польское племя должно подвергнуться неминуемо той же участи, которой подпали другие слабые племена, соединенные в одно могущественное государство с другими, более сильными народами, слившимися в одно могущественное государство с другими, более сильными народами, слившимися в один народ нераздельный. Вся ныне могущественная Франция составлена из многих областей, имевших некогда каждая свою племенную особенность; ныне, посредством общего французского языка, она лилась в одну общую народность и в одно могущественное государство <...> Благоразумные поляки должны усвоить себе мысль о необходимости осуществления пророческого изречения знаменитого Костюшки: *Finis Poloniae!** [Шипов, 1864, с. 7—8].

Очевидно, высокий статус этого автора не давал чуткому к подобным вопросам Говорскому возможности дистанцироваться от подобного подхода. Тем не менее большинство авторов «Вестника» и сама редакция придерживались линии на различие между польским народом и шляхтой.

По отношению же к последней редакция провозглашала абсолютную непримиримость, убежденность в невозможности любых уступок: *Плохо тот знает натуру шляхтича, кто воображает, что с ним можно сблизиться путем гуманности, уступок и великодушия!.. Отдай ему Польшу, он завтра потребует Подолии, прикинь ему Подолию, начнет езозить из-за Волыни, там захочется по Днепр, далее по Смоленск, а там недалеко и до Москвы. Кто думает, что резкостью полемики можно раздражить больше поляков и оттолкнуть их от себя еще далее, тот не знает поляков, не изучил польских к нам отношений. Польского патриота ничем уже нельзя раздражить больше того, сколько он раздражен против нас, никакими физическими и моральными мерами нельзя толкнуть дальше той точки, на которой стоит беспричинная и беспримерная злость его и ненависть к России и православию* [Два-три слова ..., 1862, с. 131].

4. Заключение

Первые три года выхода журнала — от основания и до переезда редакции в Вильну — были временем наибольшего обострения польского вопроса накануне и во время январского восстания 1863 года. Многочисленные публикации источников и сочинений по истории русских земель Польско-Литовского государства носили по преимуществу тенденциозно-обвинительный антипольский характер. Их дополняли резкие полемические статьи, принадлежавшие перу редактора журнала К. Говорского, публицистов А. Воронина, И. Кулжинского, С. П. Шипова и других сотрудников издания, нередко публиковавшихся анонимно.

Вместе с тем основным объектом критики журнала служили не столько этнические поляки как таковые, сколько «польская шляхта», нередко представленная «ополченными» местными уроженцами. Таким образом, публицистика «Вестника Юго-Западной и Западной России» приобретала не столько националистический, сколько антисословный характер. Рассматривая поляков прежде всего как носителей сословно-аристократического начала, редакция претендовала на защиту широких народных масс, в том числе и польских. Объективно это ставило журнал в ряд изданий «милютинского» «русского направления», представленный в тот период также «Русским инвалидом», аксаковским «Днем», катковскими «Московскими ведомостями». Противоположный же идейный лагерь был представлен

не только зарубежными и российскими польскими публицистами, такими как М. Грабовский, но и русскими либеральными и консервативно-аристократическими изданиями. В этом контексте публицистика «Вестника Юго-Западной и Западной России» становилась частью противостояния не русского и польского этносов, но двух ветвей русской политической культуры: национального и сословного направлений [Котов, 2017, с. 288—306].

Источники и принятые сокращения

1. *Взгляд* на состояние Польши известного польского ученого филолога-публициста Бронислава Трентовского // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1863 (февраль). — Отдел II. — С. 59—84.
2. *Взгляд* Вольтера на восточную церковь в сравнении ее с римскою, и о гонениях за веру в Польше // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1864 (июнь). — Отдел II. — С. 77—95.
3. *Воронин А.* Местные вопросы / А. Воронин // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1863 (январь). — Отдел IV. — С. 22—73.
4. *Воронин А.* О польском аристократическом элементе в Юго-Западной России / А. Воронин // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862а (август). — Отдел II. — С. 30—48.
5. *Воронин А.* О польском аристократическом элементе в Юго-Западной России. По поводу статьи : Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и западных губерниях / А. Воронин // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1862б (июль). — Отдел II. — С. 1—58.
6. *Грабовский М.* Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и западных губерниях / М. Грабовский. — Москва : Типография Бахметева, 1862. — 38 с.
7. *Два-три слова* о сочувствии патриотическим движениям и притязаниям поляков // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1862 (ноябрь). — Отдел IV. — С. 119—138.
8. *Заметка* на статью «Современника» «Национальная бестактность» // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1862 (июль). — Отдел III. — С. 1—34.
9. *Колоссальная нелепость* // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1864 (апрель). — Отдел IV. — С. 77—84.
10. *Кулжинский И.* Письмо к издателю львовского журнала «Мета» г. Ксенофонту Климковичу / И. Кулжинский // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1863 (ноябрь). — Отдел III. — С. 31—45.
11. *Образчик* международного миролюбия и правдолюбия поляков (ответ львовской «Народной газете» // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1862а (август). — Отдел III. — С. 33—47.
12. *Образчик* международного миролюбия и правдолюбия поляков (Ответ львовской «Народовой газете») // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1862б (сентябрь). — Отдел III. — С. 75—103.

13. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608. Оп. 1. Ед. 4772. Лл. 1—2 ; Ф. 377. Ед. 597. Лл. 1—2.
14. РГИА — *Российский* Государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 3. д. 89. Лл. 2, 6 об. ; Оп. 4. Ед. 300. Л. 14 об.
15. *Слово* русского к мятежным полякам // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1863 (сентябрь). — Отдел III. — С. 45—70.
16. *Старческие* воспоминания виденного, слышанного и читанного о происшествиях в западных областях России // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1864 (февраль). — Отдел II. — С. 57—58.
17. *Шипов С. П.* Польское племя в среде народа славянского / С. П. Шипов // Вестник Юго-Западной и Западной России. — 1864 (апрель). — Отдел II. — С. 1—9.

Литература

1. *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801—1914 гг. : в 4 тт. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855—1894 / О. Р. Айрапетов. — Москва : Кучково поле, 2018. — 904 с.
2. *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера : Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 999 с.
3. *Котов А. Э.* «Народность» и «сословность» : два полюса русского консерватизма / А. Э. Котов // Христианское чтение. — 2017. — № 2. — С. 288—306.
4. *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь / А. Н. Пыпин. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1892. — 488 с.
5. *Связи. А. Хотеев.* Полемика по поводу Польского катехизиса на страницах «Русского архива» / А. Хотеев // Аспект. — 2017. — № 1 (1). — С. 23—27.

Polish Problem in “Bulletin of South-Western and Western Russia” Journal (1862—1864)¹

© **Aleksandr E. Kotov (2019)**, orcid.org/0000-0001-5226-9552, ResearcherID E-6880-2016, SPIN 7051-7470, Doctor of History, associate professor, Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), a.kotov@spbu.ru.

The article deals with the reflection of the Polish problem in the pages of the journal “Bulletin of South-Western and Western Russia,” which enjoyed a reputation as an odious and radical propaganda edition. The main attention is paid to the history of the magazine

1 This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00073 “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries”.

in 1862—1864 — the first years of its release before the editorial office moved from Kiev to Vilna, coinciding with the aggravation of the Polish problem on the eve and during the January uprising of 1863. The author dwells on the polemic articles that belonged to the editor K. Govorsky, publicists A. Voronin, I. Kulzhinsky, S. P. Shipov and other, often anonymous, employees of the journal. The relevance of the study is due, among other things, to the appeal to the polemics of "Bulletin" with F. Dukhinsky's ideas about "the Moscow Turanism" experiencing a second birth in some Eastern European countries. It is shown that, with rare exceptions, polemic attacks of the journal were directed not against the Polish nation, but against the "Polish" class model of social order, which was proclaimed archaism to be eliminated on the pages of "Bulletin." It is proved that the journalism of "Bulletin of South-Western and Western Russia" was not so much nationalist, but anti-class one. It is indicated that, not being a standard of good taste and conceptual novelty, it was a part of the confrontation between the two branches of Russian political culture: national and class directions.

Key words: conservatism; nationalism; Slavophilism; Polish problem; Lithuania; Ukraine; Belarus; Govorsky; Dukhinsky.

Material resources

- Dva-tri slova o sochuvstvii patrioticheskim dvizheniyam i prityazaniyam polyakov. (1862). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, IV. Noyabr' 1862. 119—138. (In Russ.).
- Grabovskiy, M. (1862). *Otvet polyaka russkim publitsistam po voprosu o Litve i zapadnykh guberniyakh*. Moskva: Tipografiya Bakhmeteva. (In Russ.).
- Kolossalnaya nelepost'. (1864). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, IV. Aprel' 1864. 77—84. (In Russ.).
- Kulzhinskiy, I. (1863). Pismo k izdatel'yu Iovovskogo zhurnala «Meta» g. Ksenofontu Klimkovichu. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, III. Noyabr' 1863. 31—45. (In Russ.).
- Obrazchik mezhdunarodnogo mirolyubiya i pravdolyubiya polyakov (otvet Iovovskoy «Narodnoy gazete»). (1862). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, III. Avgust 1862a. 33—47. (In Russ.).
- Obrazchik mezhdunarodnogo mirolyubiya i pravdolyubiya polyakov (Otvét Iovovskoy «Narodovoy gazete»). (1862). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, III. Sentyabr' 1862b. 75—103. (In Russ.).
- OR RNB — *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki*. F. 608. Op. 1. Ed. 4772. Ll. 1—2; F. 377. Ed. 597. Ll. 1—2. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 776. Op. 3. d. 89. Ll. 2, 6 ob.; Op. 4. Ed. 300. L. 14 ob. (In Russ.).
- Shipov, S. P. (1864). Polskoye plemya v srede naroda slavyanskogo. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Aprel' 1864. 1—9. (In Russ.).
- Slovo russkogo k myatezhnym polyakam. (1863). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, III. Sentyabr' 1863. 45—70. (In Russ.).
- Starcheskiye vospominaniya vidennogo, slyshannogo i chitannogo o proisshestviyakh v zapadnykh oblastyakh Rossii. (1864). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Fevral' 1864. 57—58. (In Russ.).

- Voronin, A. (1862a). O polskom aristokraticheskom elemente v Yugo-Zapadnoy Rossii. Po povodu statyi: Otvet polyaka russkim publitsistam po voprosu o Litve i zapadnykh guberniyakh. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Iyul' 1862. 1—58. (In Russ.).
- Voronin, A. (1862b). O polskom aristokraticheskom elemente v Yugo-Zapadnoy Rossii. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Avgust 1862. 30—48. (In Russ.).
- Voronin, A. (1863). Mestnyye voprosy. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, IV. Yanvar' 1863. 22—73. (In Russ.).
- Vzglyad na sostoyaniye Polshi izvestnogo polskogo uchenogo filologa-publitsista Bronislava Trentovskogo (1863). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Fevral' 1863. 59—84. (In Russ.).
- Vzglyad Voltera na vostochnuyu tserkov' v sravnenii yeye s rimskoyu, i o goneniyyakh za veru v Polshe (1864). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, II. Iyun' 1864. 77—95. (In Russ.).
- Zametka na statyu «Sovremennika» «Natsionalnaya bestaktnost'». (1862). *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii*, III. Iyul' 1862. 1—34. (In Russ.).

References

- Ayrapetov, O. R. (2018). *Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801—1914 gg.: v 4 tt., 3. Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855—1894*. Moskva: Kuchkovo pole. (In Russ.).
- Dolbilov, M. D. (2010). *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
- Kotov, A. E. (2017). «Narodnost'» i «soslovnost'»: dva polyusa russkogo konservatizma. *Khristianskoye chteniye*, 2: 288—306. (In Russ.).
- Pypin, A. N. (1892). *Istoriya russkoy etnografii, 4. Belorussiya i Sibir'*. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russ.).
- Svyashch. Khoteyev, A. (2017). Polemika po povodu Polskogo katekhizisa na stranitsakh «Russkogo arkhiva». *Aspekt*, 1 (1): 23—27. (In Russ.).